

I.1. Евразийство и неоевразийство

Леонид Люкс

Евразийская идеология в европейском контексте¹

К числу наиболее интересных и самобытных течений русской мысли послереволюционных лет принадлежит евразийство, или евразийское движение, оформившееся в 1921 году в эмиграции. Этому движению предсказывали большое будущее: темы, выдвинутые евразийцами, подробно обсуждались в русской зарубежной печати.² Евразийцы развили бурную публицистическую деятельность и выпускали, особенно в двадцатых годах, много книг и периодических изданий.³ Однако во второй половине 30-х годов это движение, поначалу взбудоражившее умы, распалось.

Интерес к евразийству возродился лишь спустя три десятилетия, чему в большой мере способствовала монография мюнхенского историка Отто Бёсса (1961). Несколько статей на эту тему опубликовал Николай Рязановский, небольшие главы в своих исследованиях по истории русской общественной мысли и русской эмиграции посвятили евразийцам Василий Зеньковский, С.В.Утехин, Роберт Уильяме, Глеб Струве и Михаил Агурский. Наконец, в 1982 и 1985 гг. появились две работы Чарльза Гальперина.⁴

¹ Немецкий оригинал этой статьи был опубликован в 1986 году в журнале: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 34:3. 1986. P. 374-395.

² См. Ф. Степун: «Евразийский временник». Книга третья // *Современные записки* 21. 1924. С. 400-407; Б. Шлецер: *Закат Европы* // *Современные записки* 12. 1922 с. 339-348; Н.Бердяев: *Евразийцы* // *Путь* 1. 1925. С. 134-139; И.Гессен: *Годы изгнания. Жизненный отчет*, Париж 1979. С. 201; Н.Устрялов: *Под знаком революции*, Харбин 1927. С. 415; С.Франк: *Биография П.Б.Струве*, New York 1956. P. 146-147; Н.Rimscha: *Rußland jenseits der Grenzen. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte*, Jena 1927. P. 182-193; M. Gorlin: *Die philosophisch-politischen Strömungen in der russischen Emigration* // *Osteuropa* 8. 1932/33. P. 279-294.

³ См. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*, София 1921; *На путях. Утверждение евразийцев*, Москва/Берлин 1922; *Евразийский временник. Книга третья*, Берлин 1923; *Евразийский временник. Книга четвертая*, Берлин 1924; *Евразийский временник. Книга пятая*, Париж 1927; *Россия и латинство. Сборник статей*, Берлин 1923; *Евразийский сборник. Книга VI*, Прага 1929; *Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII*, Издание евразийцев 1931; *Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика*. Ред. В.Пейль, Нарва 1933; *Евразийская хроника (1925-1937)*; газета «Евразия» (1928/29) и др.

⁴ O. Böss: *Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts*, Wiesbaden 1961; N.V.Riasanovsky: *The Emergence of Eurasianism* // *California Slavic Studies* 4. 1967. P. 39-72; N.Riasanovsky: *Prince N.S.Trubetskoy's «Europe and Mankind»* // *Jahrbücher für*

В отличие от большинства эмигрантов - беженцев из России, воспринимавших русскую катастрофу только как катастрофу, идеологи евразийства видели в трагедии революции и гражданской войны глубокий исторический смысл. Им казалось, что неслыханные испытания, выпавшие на долю России, ставят ее решительно выше Западной Европы. Урок мировой войны, говорили они, прошел для Европы даром: европейцам очень быстро удалось залатать старый мир, замаскировать открывшуюся бездну.⁵ Лишь благодаря русской революции трагедия общеевропейской войны получила подобающее ей трагическое завершение. Двойная катастрофа - война и революция - ставит русских на новую, более высокую ступень исторического сознания. Это обостренное восприятие катастрофы вызывало у выброшенных на чужбину противников большевизма чувство превосходства по отношению к странам, которые их приютили.

Но евразийцы апеллировали не только к чувствам. Привлекательность их доктрины состояла в соединении завораживающей эмоциональности с научностью. В разработке евразийской идеологии приняли участие этнографы, лингвисты, историки, географы, философы, богословы, правоведы. В этом отношении евразийство выгодно отличалось от большинства идеологий, возникших в Европе между двумя мировыми войнами. Над ним трудились не самодеятельные историки и политические дилетанты, а люди научного склада мысли, владевшие искусством проницательного анализа и ясной аргументации. Вот почему не так легко было опровергнуть их теоретические построения, хотя они и вызывали негодование в некоторых кругах эмиграции.

Оригинальной чертой евразийства был особый акцент, который ставился на Азии, азиатском компоненте России. Начиная с Петра I Россия неустанно боролась за признание ее европейской державой. Западная общественность реагировала на эти усилия, как правило, скептически. Считалось, что Россия в Европе - некое чужеродное тело, что несмотря на поверхностную европеизацию, она остается по сути азиатской страной; «европейское» отождествлялось с «западным», и тот факт, что у Европы тоже есть свой Восток, чаще всего не принимался во внимание. Русские авторы по большей части безуспешно протестовали против такого усечения понятия Европы.⁶ Революция подлила масла в огонь, обновив

Geschichte Osteuropa 12. 1964. P. 207-220; S. Utechin: Geschichte der politischen Ideen in Rußland, Stuttgart 1966. P. 240-244; R.C.Williams: Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany 1881-1941, Ithaca, London 1972. P. 258-261; C.J.Halperin: George Vernadsky: Eurasianism, the Mongols and Russia // Slavic Review 41. 1982. P. 477-493; C.J.Halperin: Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 36. 1985. P. 55-194; H.-A.Stammler: Europa – Rußland – Asien. Der «eurasische» Deutungsversuch der russischen Geschichte // Osteuropa 12. 1982. P. 521-528; В.Зеньковский: Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей, Париж 1955. С. 157-167; Г.Струве: Русская литература в изгнании, Нью Йорк 1956. С. 40-49; М.Агурский: Идеология национал-большевизма, Париж 1980. С. 98-102.

⁵ П. Сувчинский: Эпоха веры // Исход к Востоку. С. 14-27; Сувчинский: Вечный устой // На путях. С. 99-133; П.Савицкий: К обоснованию евразийства // Руль, 10.1.1922.

⁶ См. В. Вейдле: Три России // Современные записки 65. 1937. С. 304-322; его же: Россия и Запад // Современные записки 67. 1938; его же: Задача России, Нью Йорк 1956; W.Weidle: Ruß-

эти представления. Немецкий социолог и культуролог Альфред Вебер писал в 1925 г. о том, что большевистская власть привела к реазиатизации России. Лишь по недоразумению эта страна примкнула на какое-то время к сообществу европейских наций; покидая Европу, она возвращается к самой себе.⁷

Да, вот именно, - отвечали евразийцы. Западноевропейскому изоляционизму они противопоставили столь же категорически выраженный восточный изоляционизм. Евразийцы считали, что России нечего делать в Европе, она должна повернуться в другую сторону, захлопнуть окно на Запад, отворенное Петром. Первый сборник трудов, излагавших доктрину евразийства, носил программное название «Исход к Востоку». Он вышел в Софии в 1921 году.

Предлагалось пересмотреть традиционный взгляд на татаро-монгольское иго, охватывающее два с половиной века русской истории. Не Киевская Русь, а монгольская феодальная империя - вот истинный предшественник российского государства. Киевская Русь, указывал Николай Трубецкой, занимала лишь 1/20 нынешней территории России, тогда как Золотая Орда примерно соответствовала всей этой территории.⁸ Чингисхан стоит у истоков грандиозной идеи единства и суверенитета Евразии, киевская же «идея» представляется Трубецкому провинциальной. Порабощенный русский народ воспринимал монгольское завоевание как иго, но не мог долго противиться очарованию идеи всемирного царства. Эту идею переняло у татар в XVI веке Московское великое княжество.⁹

II.

Хотя эта новая оценка татарского государства учитывала не только исторические, но и современные аспекты, дискуссия вокруг нее занимала в основном ученых. Куда больше взволновали широкую публику другие идеи евразийцев - анализ революции и критика Запада. Пожалуй, по своей радикальности эта критика превосходила все, что доселе было сказано на эту тему в русской публицистике, историографии и философии.

Идею европейского превосходства, заимствованную европейцами у Древнего Рима, евразийцы рассматривали как своего рода бич человечества, как главный источник кризисов XX века. Самоуверенность европейцев настолько сильна, что она распространилась и на многие другие, неевропейские народы, писал Трубец-

lands Weg und Abweg, Stuttgart 1956.

⁷ А. Вебер: *Die Krise des modernen Staatsgedankens in Europa*, Stuttgart 1925. P. 119.

⁸ П. Савицкий: *Степь и оседлость // На путях*. С. 341-356; И.Р. (Н. Трубецкой): *Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада а с Востока*, Берлин 1925. С. 3-4; *Евразийство. Опыт систематического изложения*, Париж 1926. С. 37-38; Г. Вернадский: *Начертание русской истории. Часть первая*, Евразийское книгоиздательство 1927. С. 17.

⁹ И.Р. (Трубецкой): *Наследие*. С. 18-23.

кой в своей книге «Европа и человечество» (София, 1920): образованные слои этих народов стали оценивать свою самобытную культуру по европейским меркам, и это вызвало у них комплекс неполноценности. Сознание собственной отсталости побуждает неевропейцев перепрыгивать необходимые ступени развития, пожирает все их силы и еще больше отчуждает от собственных традиций. В одном из писем Роману Якобсону, товарищу Н.С.Трубецкого по основанному ими Пражскому лингвистическому кружку, автор «Европы и человечества» пояснял, что эта книга (которую можно назвать манифестом евразийства) задумана как первая часть трилогии. Если здесь он сосредоточился на полемике с высокомерно-эгоцентрическим и абсолютистским национализмом романских и германских народов, то продолжение своего труда он намерен посвятить другому, «подлинному национализму».¹⁰

Вторая и третья часть трилогии Трубецкого вышли в сокращенном виде как статьи в уже упоминавшемся сборнике «Исход к Востоку». Подлинный национализм, по мысли автора, это такой национализм, которому чужды национальное тщеславие и нетерпимость по отношению к другим культурам. Преодоление стереотипов «ложного», западноевропейского национального мышления - залог гармонического сосуществования народов.¹¹ Эти рассуждения напоминают романтический национализм в Европе до революции 1848 года. Романтики рисовали картину грядущей гармонии, у которой был только один враг - европейские династии. Как известно, 1848 год и последующая эволюция национализма принесли большие разочарования.

Если Шпенглер предсказывал близкий конец фаустовской (западноевропейской) культуры и цивилизации, то для кн. Трубецкого конец гегемонии Европы был отнюдь не очевиден. На это отличие редко обращают внимание в литературе. Трубецкой опасался, что триумфальное шествие Европы в мире будет продолжаться и впредь, ибо народы все больше подпадают под коварное очарование европейской культуры.¹² Ни в духовном, ни в политическом, ни в экономическом отношении господство Европы не поколеблено. Даже большевистская Россия, по мнению Трубецкого, становится все более зависимой от Европы. Эту зависимость не могла бы устранить мировая социалистическая революция, о которой мечтают большевики, ибо тогда Россия оказалась бы в колониальной зависимости от более «прогрессивных» социалистических стран Запада.¹³ Единственную

¹⁰ N.S.Trubetskoy's Letters and Notes. Prepared for publication by Roman Jakobson, The Hague, Paris 1975. P. 12-14.

¹¹ Н.Трубецкой: Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. С. 83.

¹² Н.Трубецкой: Европа и человечество // Н.Трубецкой: История. Культура. Язык, М.1995; Trubetskoy's Letters. P. 14-16, 25.

¹³ В марте 1921 г. Трубецкой развивает эту мысль в письме Роману Якобсону: «Представьте себе на минуту, что красной армии удастся прорваться в Германию, и что в этой последней произойдет коммунистический переворот. Какие практические последствия будет иметь этот факт? Ось мира немедленно переместится из Москвы в Берлин (...). Немцы создадут образцовое социалистическое государство, и Берлин сделается столицей все-европейской или даже всемирной «федеративной» советской республики. (...) Во всемирной советской республике

возможность обрести самостоятельность автор «Европы и человечества» видит в тесном сближении с освободительным движением колониальных стран. Будущее России, следовательно, не в том, чтобы возродиться в качестве европейской державы, а в том, чтобы возглавить всемирное антиевропейское движение.¹⁴

Здесь обнаруживается удивительное сходство взглядов Трубецкого с советской геополитической концепцией, какой она складывалась после революции: Россия - центральная сила, противостоящая капиталистическому Западу. В обоих случаях предполагалось, что колониальные народы будут рассматривать Россию как себе подобную, неевропейскую, угнетенную и поднимающуюся нацию, которая не хочет иметь ничего общего с эксплуататорской Европой. Это предположение оказалось ложным. Для большинства незападных стран Россия по-прежнему оставалась европейской имперской державой. Обнаружилось, что не так легко по-рвать с Европой, как это представлялось и большевикам, и Николаю Трубецкому.

III.

Отрицание роли России как европейской державы означало, что евразийцы внесли новый элемент в традиционную тему русской историософии - критику Запада. Этот новый элемент соответствовал революционному характеру эпохи. В старой России редко высказывались мнения подобного рода.

Более традиционными были обвинения в другом роде, например, тезис о западном эгоизме, о присущем европейскому человеку одностороннем и индивидуалистическом стремлении отстаивать собственные, личные права. Историк и правовед Н.Алексеев подчеркивал, что борьбой за суверенные права личности пронизана вся европейская история.¹⁵ По мнению С.Бохан, начиная с XIX века этот эгоистический принцип распространился и на европейские нации, которые стали чем-то вроде исполинских индивидуумов, сражающихся за свои выгоды, свои права и прерогативы.¹⁶ Этому раздираемому распрями Западу идеологи евразийства противопоставляли гармонический образ Древней Руси, осененной православием. Основа православного мироустройства - не борьба личности за свои права, вообще не самодовлеющая личность, а братская любовь и солидарность людей. Что и сообщало древнерусскому обществу беспримерную однородность.¹⁷

господами будут немцы, вообще романо-германцы – а рабами – мы, т.е. все остальные. И степень рабства будет прямо-пропорциональна «культурному уровню», т.е. отдалению от романо-германского образца» (Trubetskoj's Letters. P. 15).

¹⁴ Н.Трубецкой: Русская проблема // На путях. С. 302-306.

¹⁵ Н. Алексеев: Обязанность и право // Евразийская хроника 10. 1928. С. 19-26.

¹⁶ С.Бохан: К новой эпохе // Новая эпоха. С. 6.

¹⁷ М.Шахматов: Подвиг власти (Опыт по истории государственных идеалов в Рос-

Нет надобности разьяснят, что такое идеализированное изображение Руси, почти слово в слово переписанное у славянофилов, при ближайшем рассмотрении оказывается несостоятельным. Напряженность социальных отношений и многочисленные крестьянские восстания в допетровской Руси указывают на то, что древнерусское общество ни в коей мере не было воплощением гармонического идеала. Тем не менее эти представления содержали определенную долю истины. Описанный идеал был важной составной частью политической доктрины Московской Руси. Это не могло не отразиться и на социально-политической деятельности. К восхвалению автономной личности, начавшемуся на Западе с наступлением Нового времени, в России с самого начала относились отрицательно, видя в этом выражение человеческой гордыни. Уравнение индивидуума и общества и проистекающие отсюда требования одиночки к обществу ради обретения все больших прав для себя воспринимались в России как нечто безнравственное. В России государственная власть никогда не отказывалась от прерогативы диктовать нравственные нормы обществу и отдельному человеку; свобода совести в западном смысле всегда была более или менее ущемлена. Здесь не мог развиваться независимый общественный плюрализм, ставший предпосылкой западного индивидуализма.

Этот приоритет государства с его притязаниями на улаживание всех социальных конфликтов и осуществление общественной гармонии сохранялся и в послепетровской, и, само собой разумеется, в послереволюционной России. Можно заметить, что представление о государстве как залоге всеобщей гармонии широко распространено в русском обществе и по сей день. Вот почему выступления против государства следует понимать не только как протест против государственного вмешательства во все сферы жизни. Очень часто они были вызваны тем, что государство не справлялось с этой задачей.

сии) // Евразийский временник 3. 1923. С. 55-80; его же: Государство правды (Опыт по истории государственных идеалов в России) // Евразийский временник 4. 1925. С. 268-304; П.Сувчинский: Страсти и опасности // Россия и латинство. С. 27-29.

IV.

Вызов евразийства был встречен русской зарубежной общественностью по-разному. Представители старой интеллигенции, считавшие спор между западниками и славянофилами достоянием прошлого, крайне резко критиковали евразийцев. Полемика развернулась главным образом на страницах журналов «Путь» и «Современные записки» (Париж).

Среди критиков евразийства нужно назвать в первую очередь авторов, продолжавших развивать в эмиграции идеи русского религиозного возрождения начала века. Федор Степун писал в 1924 г. в «Современных записках» о том, что нельзя представлять себе Европу и Азию в виде двух квартир, где попеременно проживает Россия; европеизм и азиатское начало - это две составные части сущности России. Ни одной из них мы не вправе пренебречь, ни от одной не в силах убежать.¹⁸ Николай Бердяев возражал против постулата, будто какая-либо культура, например, западная, может стать предпочтительным носителем зла. Христианство не допускает географического разделения добра и зла. С другой стороны, Бердяев упрекал евразийцев в недооценке универсальности православия. Евразийство в глазах Бердяева было проповедью культурного изоляционизма и партикуляризма.¹⁹

Не менее активно полемизировали с евразийцами и такие авторы, как литературовед Бицилли и богослов Флоровский; оба они вначале примыкали к евразийскому движению, но затем порвали с ним. К 1925 г. относятся выступления Бицилли против Льва Карсавина, одного из наиболее блестящих умов в лагере евразийства. Для Карсавина католицизм как одна из основ западного мирозерцания был своего рода ересью. В таком случае, возразил Бицилли, мы должны считать еретиками Франциска Ассизского и Паскаля.²⁰

Было бы, однако, странно, если бы радикальная антизападная программа евразийцев вызвала только негативные отклики. Вызов, брошенный западноевропейской цивилизации и культуре, прозвучал непосредственно после окончательного поражения белых армий. Это поражение противников большевистского режима многие эмигранты объясняли недостаточной поддержкой и непоследовательным поведением западных держав. Отношение союзников к участникам разбитого Белого движения, бежавшим за границу, оскорбляло русских.²¹ К этому нужно прибавить тяготы изгнания, унижительную нужду, трудности адаптации в чужой и не слишком благорасположенной среде. Понятно, что все это не могло не служить

¹⁸ Степун: Евразийский временник. С. 405-406.

¹⁹ Бердяев: Евразийцы. С. 135-138.

²⁰ П. Бицилли: Народное и человеческое (По поводу «Евразийского временника» кн. IV.) // Современные записки 25. 1925. С. 484-494.

²¹ См. В. Варшавский: Незамеченное поколение, Нью Йорк 1956. С. 34-35; С. Пушкарев: О русской эмиграции в Праге (1921-1945) // Новый журнал 151. 1983. С. 138-146; Rimscha: Rußland jenseits der Grenzen. P. 6-14.

психологическим фоном для дебатов о России и Европе. Как заметил однажды Степун, заимствованные на Западе республиканские и социалистические идеи привели Россию к беспримерному унижению; пережив такой опыт, почти невозможно противостоять евразийским настроениям. Не будучи сторонником евразийства, Степун предсказывал ему большое будущее, полагая, что евразийские идеи отвечают духу времени. Но этот «дух», по мнению Степуна, всегда отстаёт от реальной действительности, поэтому евразийцы не замечают несостоятельности их учения.²²

Так или иначе, но евразийское движение не было чем-то случайным и чужеродным в русском Зарубежье двадцатых-тридцатых годов. Многие националистически настроенные группировки - сменовеховцы, младороссы и другие - были в том или ином отношении близки к евразийцам. Многие говорили о противостоянии Запада и Востока, о том, что русские призваны спасти мир от губительных западных влияний. Тем не менее центральный тезис евразийства был чужд большинству русских националистов: спасителем человечества должна была стать, по их убеждению, реальная русская нация, а не гипотетическая евразийская.

V.

Что же касается истоков и причин революции, как их трактовали евразийцы, то тут точек соприкосновения с другими группами и течениями, особенно правого толка, было еще меньше. Правая эмиграция была убеждена, что революция есть не что иное, как результат заговора иностранных держав и «чужеродных элементов» внутри самой России.

Иначе смотрели на революционный катаклизм представители евразийства. Революция, с их точки зрения, воплотила в себе радикальный протест народа против того, что было создано Петром I, она была конечным следствием раскола нации, вызванного петровской реформой. Петр уничтожил фундамент, на котором покоилась внутренняя мощь России; ни одному из иностранных завоевателей еще не удавалось до такой степени разрушить национальную культуру и формировавшийся веками национальный уклад.²³

Георгий Флоровский писал в 1922 г., когда он еще принадлежал к евразийскому движению, что Петр I перенял европейские начала, оставшиеся непонятными народу, поэтому русская революция - это суд над послепетровской Россией.²⁴ Не-

²² Степун: Евразийский временник. С. 400-401, 405.

²³ И.Р. (Трубецкой): Наследие. С. 35-39; N. Alexeiev: Das russische Westlertum // Der russische Gedanke 1. 1929/30. P. 149-162.

²⁴ Г.Флоровский: О патриотизме праведном и греховном // На путях. С. 230-293.

сколько позже Сувчинский развил эту мысль: русские крестьяне с готовностью приняли большевистский лозунг непримиримой классовой борьбы не только потому, что хотели отобрать землю у помещиков; немалую роль сыграло стремление освободиться от чуждого и непонятного народу культурного слоя.²⁵

И здесь мы снова можем констатировать близость евразийства к революционному мировоззрению большевиков. Мы наблюдаем тот же прямолинейный детерминизм. Для большевиков Семнадцатый год - следствие феодально-капиталистической эксплуатации, для евразийцев - результат насильственной европеизации страны. Как и большевики, евразийцы свято верили в закономерность исторического процесса. И те, и другие считали революцию неизбежной.

В сущности, «петербургская» Россия была обречена - вот тезис евразийцев. Эти авторы почти не упоминают о попытках преодолеть внутренние противоречия мирным эволюционным путем, например, о реформах Александра II или Столыпина. Вера в исторический детерминизм придавала их настроениям привкус фатальности:

чему быть, того не миновать. Против такой безучастной манеры рассмотрения событий выступил в 1927 г. В.Руднев, один из лидеров партии социалистов-революционеров, писавший о том, что у евразийцев не видно и следа возмущения красным террором, их интересует в большевизме лишь способность управлять государством.²⁶

Вместе с тем такой подход к революции и советскому режиму вызывал не только протест. Нужно сказать, что в этом смысле евразийство не так уж сильно отличалось от позиции некоторых своих оппонентов, таких, как Бердяев, Степун, Георгий Федотов и другие. И Федотов, и Бердяев рассматривали революцию тоже как закономерное следствие раскола, произведенного в России реформами Петра. В 1924 г. Бердяев говорил (повторяя многих), что пропасть между высшим слоем и простым народом в России велика, как ни в одной другой стране. По словам Федотова, со времен Петра народ в России перестал понимать свое собственное государство, его политические цели, его идеологию.²⁷ Владимир Вейдле, в целом занимавший позицию, противоположную евразийству, сравнивал изгнание и уничтожение европеизированного высшего слоя после революции с изгнанием варягов из Руси.²⁸ Несмотря на критику некоторых аспектов европеизации, эти авторы, в отличие от евразийцев, все-таки считали петровские реформы единственно возможным путем развития России. Сближение с Западом уберегло русскую культуру от полного застоя; без импульсов с Запада были бы немислимы культурные достижения России XIX столетия.²⁹

²⁵ П.Сувчинский: Идеи и методы // Евразийский временник 4. 1925. С. 24-65.

²⁶ В.Руднев: Евразийство // Современные записки 30. 1927. С. 583-592.

²⁷ См. N.Berdjaev: Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Rußlands und Europas, Tübingen 1950. P. 80; Г.Федотов: Революция идет // Современные записки 39. 1929. С. 306-359.

²⁸ Вейдле: Задача России. С. 81.

²⁹ См. Федотов: Революция идет. С. 310.

Анализируя русскую революцию, евразийцы подчеркивали, что она не ограничилась спонтанным протестом народных слоев против творения Петра. Парадоксальным образом это народное восстание соединилось с движением, стремящимся продолжить петровский замысел. Ведь большевики ставили своей целью превратить отсталую Россию в передовое индустриальное государство.³⁰ Однако решающее значение для успеха большевиков имели, по мнению евразийцев, не их далеко идущие абстрактные цели, а их ненависть к существующему порядку и дворянству. Это чувство полностью разделяли низшие слои населения.³¹

Исход революции и гражданской войны евразийцы рассматривали как компромисс между большевиками и русским народом. Народ принял единовластие большевиков, а большевики в значительной мере отказались от своих утопических планов. Революция, задуманная большевиками как путь к окончательной европеизации России, привела к ее деевропеизации.³² Из двух сил, совершивших революцию, русский народ возобладал, это он навязал свою волю большевикам, а не наоборот. В особо заостренной форме эта мысль выступает в программном труде нескольких авторов «Евразийство» (1926). Там говорится, что русский народ воспользовался большевизмом, чтобы спасти территориальную целостность и возродить политическую мощь своей страны.³³

Не следует забывать, что эти высказывания относятся ко времени нэпа. «Временное отступление», как называл его Ленин, заставило евразийцев, да и другие группы эмигрантов, усомниться в силе большевистского режима. Отсюда и тезис о том, что режим является инструментом в руках «народа». Народ, рассуждал В.Львов, один из представителей евразийства, укрепляется в сознании своей собственной силы с тех пор, как он добился у правительства экономических уступок; слабость правительства придает отваги оппозиционным силам, идут поиски альтернатив большевизму. Не настало ли время для евразийцев предложить свою программу в качестве такой альтернативы?³⁴

VI.

Смелость, с которой евразийство обрушилось на многие правые и левые стереотипы мышления, непочтительность по отношению к священным традициям, блеск и натиск - все это делает понятным его первоначальный успех. То обстоя-

³⁰ И.Р. (Трубецкой): Наследие. С. 48-54; Н.Трубецкой: Мы и другие // Евразийский временник 4. 1925. С. 6-81; Евразийство // Евразийская хроника 9. 1927. С. 3-14.

³¹ Евразийство (1926). С. 6; Сувчинский: Идеи и методы. С. 26, 31.

³² Евразийство (1926). С. 48-49, 59-61.

³³ Евразийство (1926). С. 6, см. также П.Сувчинский: К познанию современности // Евразийский временник 5. 1927. С. 7-27.

³⁴ Львов: О современной России // Евразийская хроника 5. 1926. С. 45-55.

тельство, что евразийцам приходилось сражаться сразу на нескольких фронтах, подводит нас к вопросу, какое место это течение занимало в идейно-политическом спектре тогдашней Европы.

Многих шокировало относительно терпимое отношение евразийцев к большевикам. Не зря Трубецкой иронизировал над критиками евразийства, определявшими его как синтез славянофильства и большевизма.³⁵ Как подчеркивал Степун, евразийцы не только видят в большевизме некоторые положительные стороны, противопоставляя его западному либерализму, но подчас идут в своем осуждении европейских демократических институтов еще дальше. Впрочем, продолжает Степун, критическое отношение к демократии - европейское явление: например, немецкая молодежь так же не признавала демократического президента веймарской Германии, как евразийцы - Керенского.³⁶ Видный член партии конституционных демократов И.Гессен утверждал, что евразийцы начинали скорее как правое движение, а затем все ближе сходились с ленинизмом. Кроме того, Гессен и некоторые другие привлекали для сравнения итальянский фашизм, триумфальное шествие которого завершилось захватом власти и установлением диктатуры Муссолини в 1922-1925 годах³⁷ (в русских кругах было немало поклонников Дуче). По мнению Степуна, с итальянскими чернорубашечниками евразийцев сближает националистический и антидемократический дух, а также особого рода элитарная спесь; и те, и другие отвергают недавнее прошлое своих стран во имя великого наследия более древнего прошлого; и тем, и другим присущи имперские, геополитические амбиции.³⁸

Нужно сказать, что сами евразийцы не отрицали своего идейного родства ни с большевиками, ни с итальянскими фашистами. Об этом писал, в частности, и сам Ник. Трубецкой. В упомянутом выше коллективном труде «Евразийство» фашизм оценивался положительно - как попытка создать устойчивый противовес парламентарно-демократической системе. Фашистская революция, по мнению Трубецкого, уступает по своему историческому значению только революции большевиков в России. Оба государства, советское и итальянское, отвечают духу времени; демократия - реликт ушедшей либерально-позитивистской эпохи.³⁹

Яснее других евразийцы видели особую, ни с чем прежним не сравнимую роль идеологии в фашистском и коммунистическом государствах. Это и есть признак новой исторической эпохи: только великие идеи, пронизывающие все сферы жизни, выведут мир из современного кризиса. Идеи эти воплощаются в новую форму власти, которую евразийцы называли идеократией.

³⁵ Трубецкой: Мы и другие. С. 76; см. также Г.Флоровский: Окамененное бесчувствие (По поводу полемики против евразийства) // Путь 2. 1926. С. 128-133.

³⁶ Степун: Евразийский временник. С. 403-404.

³⁷ Гессен: Евразийство // Современные записки 25. 1925. С. 499; см. также Бердяев: Евразийцы. С. 134.

³⁸ Степун: Евразийский временник. С. 404.

³⁹ Евразийство (1926). С. 52, 56; Алексеев: Теория. С. 10; Л.Карсавин // Евразийская хроника 8. 1927. С. 53; Н.Трубецкой: О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника 8. 1927. С. 3-9.

Относясь с уважением к большевизму и фашизму, идеологи евразийства не считали, однако, эти режимы «подлинными идеократиями». Политическая философия фашизма была, с их точки зрения, эклектичной. Содержание этой философии сводилось к прославлению итальянской нации; более глубокой, духовной укорененности евразийцы в этой апологетике не находили. Фашизму не удалось создать контридеологию, способную конкурировать с большевистской.⁴⁰ Большевизм же, в свою очередь, не сумел создать подлинной альтернативы идеям, господствующим на Западе: так называемая пролетарская культура на деле является примитивным подражанием западной буржуазной культуре, и вообще большевики рассматривают Россию всего лишь как экспериментальное поле для осуществления европейских идей.⁴¹ По Трубецкому, до 1917 года русские самодержцы защищали консервативные и монархические силы во всей Европе, теперь большевики защищают и поддерживают европейские коммунистические партии. Это означает, что правители России, как и прежде, втягивают Россию в ненужные конфликты. На самом деле, разъяснял Трубецкой, у России нет ничего общего с политическими силами Запада, независимо от их окраски.⁴² Другой упрек большевикам был тот, что хотя они и спасли от распада российскую империю, они не в состоянии обеспечить единство страны на длительное время. Гарантом российского единства на протяжении веков был, по Трубецкому, русский народ, он остается им и теперь, но растущее национальное сознание нерусских народов России делает непрочным монопольное положение русских. В этой связи Трубецкой критиковал русских шовинистов: не допуская компромисса с другими народами России, они ставят на карту прочность империи. Это может привести к сокращению российского государства до великорусского ядра.

Время единовластного господства русских в России, писал Трубецкой, уже ушло, и ушло безвозвратно, большевики хорошо это поняли. Они нашли даже нового носителя российского единства: вместо русского народа - пролетариат. Но это лишь кажущееся решение вопроса. «Классовый подход» разжигает классовую ненависть и в конечном счете подрывает единство России. Не говоря уже о том, что национальные чувства рабочих, как полагал Трубецкой, куда сильнее их классовой солидарности. Если Россия хочет оставаться единым государством, она должна найти нового идеолога и носителя своего единства. Таковым должно

⁴⁰ Трубецкой: О государственном строе. С. 7; Евразийство (1926). С. 52; Л.Карсавин: Феноменология революции // Евразийский временник 5. 1927. С. 28-74; Я. Садовский: Из дневника «Евразийца» // Евразийский временник 4. 1925. С. 378-405.

⁴¹ Трубецкой: Мы и другие. С. 78-80; И.Р. (Трубецкой): Наследие. С. 48-50; Евразийство // Евразийская хроника 9. 1927. С. 5; Флоровский: Окамененное бесчувствие. С. 131; Л.Карсавин: Ответ на статью Н.А.Бердяева об «Евразийцах» // Путь 2. 1926. С. 124-127; Н.Алексеев: Евразийство и марксизм // Евразийский сборник 6. 1929. С. 12-13; П.Савицкий: Разрушающие свою родину (Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР), Берлин 1935. С. 14-16, 20-21.

⁴² И.Р. (Трубецкой). С. 48-49.

стать евразийство, ставящее во главу угла то, что близко и понятно всем народам России-Евразии.⁴³

VII.

В этом состояло великое самообольщение евразийцев: им казалось, что евразийское движение способно сменить большевизм. Но как достичь этой цели? Вооруженную борьбу против советского режима, на чем в двадцатых годах продолжали настаивать многие эмигрантские писатели и группы, евразийцы отвергли. Опыт гражданской войны убеждал их в том, что большевизм нельзя устранить силой оружия; евразийцы видели в нем выразителя воли народа. Нет, говорили они, преодоление большевизма возможно и необходимо путем эволюционного обновительного процесса, постепенного воздействия изнутри. Это не значит «приспособиться» к большевизму, как предлагали, например, сменовеховцы. В противоположность сменовеховцам, евразийцы рассматривали себя не как союзников, а как конкурентов большевизма. Дело дошло до того, что Н.Чхеидзе в 1929 г. выразил надежду на превращение ВКП(б) в партию евразийцев.⁴⁴ И он был не одинок.⁴⁵ Все это показывает, как далеки были евразийские философы и политики от понимания природы советской тоталитарной власти, природы тоталитарных партий и режимов вообще, насколько эти идеологи недооценивали способность тоталитарного режима истреблять вокруг себя все «подрывные элементы», всякую тень инакомыслия.

Политическая наивность евразийцев лучше всяких доводов говорит о том, что у них не было, в сущности, ничего общего с большевиками или фашистами, отличившимися властью современной неограниченной власти. Значительно больше точек соприкосновения обнаруживается у евразийцев с другими «идеократическими» течениями, которые возникли между двумя мировыми войнами и точно так же провозглашали максималистские идеи, вполне пренебрегая вопросом о власти. Особенно поразительно сходство евразийства с так называемой *консервативной революцией*, которая сыграла немалую роль в разрушении возникшей после Первой мировой войны Веймарской республики.⁴⁶

⁴³ Н.Трубецкой: Общеевразийский национализм // Евразийская хроника 9. 1927. С. 24-30.

⁴⁴ К.Чхеидзе: Евразийство и ВКП (б) // Евразийский сборник 6. 1929. С. 38-40.

⁴⁵ См. Сувчинский: Идеи и методы. С. 61-63; П.Савицкий: О внепартийности // Евразийская хроника 9. 1927. С. 10; Евразийство // Евразийская хроника 9. 1927. С. 10; Трубецкой: Общеевразийский национализм. С. 28-30; Н.Алексеев: Евразийцы и государство // Евразийская хроника 9. 1927. С. 31-39.

⁴⁶ См. на эту тему К. v. Klemperer: *Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus*, München 1962; K.Sontheimer: *Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik*, München 1968; его же: *Der Tatkreis* // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 6. 1958. P. 229-260; F.Stern: *Kulturpessimismus als politische Gefahr*, Bern 1963; J.P.Stern: *Der Führer und sein Volk*,

С этим политическим течением, противопоставившим себя либерализму и демократии и представленным несколькими блестящими именами (Освальд Шпенглер, Эрнст Юнгер, Артур Меллер ван ден Брук), евразийцев сближала прежде всего стратегическая идея - овладеть изнутри тоталитарной партией, с тем чтобы привлечь ее приверженцев к осуществлению своих собственных целей.⁴⁷ Вообще отношение евразийцев к большевизму очень напоминает позицию идеологов «консервативной революции» по отношению к национал-социализму.

Определенный параллелизм заметен в политической структуре обеих доктрин. Оба течения носили подчеркнуто элитарный, «аристократический» характер; оба основывались на вере во всемогущество идей. Евразиец Савицкий писал в 1923 году о том, что народы будут управляться идеями, а не учреждениями, что коммунизм можно преодолеть лишь при помощи другой, еще более высокой и всеобъемлющей идеи.⁴⁸ Подобные высказывания о власти идей могли бы принадлежать таким ведущим представителям «консервативной революции», как Ганс Церер, Меллер ван ден Брук или Эдгар Юнг, убитый в 1934 г. во время путча Рэма. Так же как немецкая «консервативная революция», движение евразийцев было восстанием молодежи против идей и целей старшего поколения. Ко времени возникновения евразийского движения Трубецкому было всего 30 лет, Савицкий и Сувчинский были еще моложе. И в обоих случаях - как у немцев, так и у русских - восстание молодых принимало неожиданные, нетрадиционные формы. В XIX веке было обычным делом, что сыновья оказывались левее отцов. После событий 1917-18 гг. это правило не соблюдалось. Теперь сыновья нередко правее своих отцов - либералов или умеренных консерваторов. На это обстоятельство указывал Трубецкой, одновременно подчеркивая, что речь идет отнюдь не о реставрации, не о тоске по старине. Нужны новые пути, ибо традиционные - левые - идеологии потерпели фиаско. Новые идеологии, писал Трубецкой, в действительности ни левые, ни правые, ибо они находятся в иной плоскости отсчета. Радикально новое есть не что иное, как обновление глубокой древности, другими словами, новая идеология ориентирована не на вчерашний день.⁴⁹ Евразийцы отвергают петербургскую Россию во имя Святой Руси.

München 1978; O.E. Schüddekopf: Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik, Stuttgart 1960; A.Mohler: Die Konservative Revolution in Deutschland. Grundriß ihrer Weltanschauung, Stuttgart 1950; P.Gay: Die Republik der Außenseiter. Geist und Kultur in der Weimarer Zeit 1918-1933, Frankfurt/Main 1970; H.Rauschning: The Conservative Revolution, New York 1941; H.Kuhn: Das geistige Gesicht der Weimarer Zeit // Zeitschrift für Politik 8. 1961. P. 1-10; H.Hecker: «Die Tat» und ihr Osteuropa-Bild 1909-1939, Köln 1974.

⁴⁷ См. H.Zehrer: Die Frühjahrsoffensive // Die Tat, April 1932. P. 1-14; его же: Das Ende der Parteien/ Die Tat, April 1932. P. 68-79; его же: Die Dritte Front // Die Tat, Mai 1932. P. 97-120; Rauschning: The Conservative Revolution. P. 38-40.

⁴⁸ Савицкий: Подданство идеи. С. 9-10; см. также Алексеев: Теория. С. 85; П. Логовиков: Власть организационной идеи // Тридцатые годы. С. 129-134.

⁴⁹ Н. Трубецкой: У дверей реакция? Революция? // Евразийский временник 3. 1923. С. 18-29.

Тут видна аналогия с некоторыми группировками «консервативной революции», которые отвергали Вильгельмовскую Германию во имя средневекового рейха.⁵⁰

Правые лишь по недоразумению считают евразийцев своими союзниками, утверждал Трубецкой. Их идеал - бюрократическая империя Николая I или Александра III, а это ничего общего с евразийством не имеет.⁵¹

Время расцвета евразийства - это одновременно и время расцвета идей «консервативной революции»: двадцатые годы. Только что закончившаяся мировая война была событием, в котором консервативные революционеры видели начало новой великой эпохи. От войны они ожидали радикального обновления общества, возможность начать все заново. Для евразийцев же роль мировой войны сыграла русская революция. В двадцатых годах национал-социалистическая диктатура еще не обозначилась на политическом горизонте, сталинская диктатура только начала вырисовываться. Ни в России, ни в Германии политическая реальность еще не успела принять отчетливый тоталитарный облик, еще казалась «экспериментальной». Это был звездный час идеократических движений, стремившихся изменить мир с помощью идей, а не громоздких и неповоротливых бюрократических аппаратов или трудно контролируемых движений.

VIII.

Конечно, между евразийством и «консервативной революцией» существовали немалые различия. Например, в учении евразийцев очень важное место занимала религия. Трубецкой и его последователи стремились не только к восстановлению национального величия России, но и к религиозному обновлению. Для большинства же консервативных революционеров в Германии религия почти не имела значения. Чувство уязвленного национального самолюбия - вот что доминировало в их политическом мировоззрении и отодвигало на второй план все другие духовные вопросы. По-разному относились евразийцы и консервативные революционеры к насилию. Хотя евразийцы считали революцию и гражданскую войну неизбежными, они, несомненно, были далеки от того, чтобы благословлять насилие и террор. У евразийцев почти не встречается эстетизация насилия, типичная для многих идеологов консервативной революции.⁵² Наконец, евразийцы, в противоположность консервативно-революционным группировкам, действовали вне

⁵⁰ См. А. Moeller van den Bruck: *Das Dritte Reich*, Berlin 1923. P. 5-7, 178-179; его же: *Der politische Mensch*, Breslau 1933. P. 29, 32-43, 110-112, 121-122; E.W.Eschmann: *Vom Sinn der Revolution*, Jena 1934.

⁵¹ Трубецкой: *Мы и другие*. С. 70-71.

⁵² См. E. Jünger: *Der Kampf als inneres Erlebnis*, Berlin 1933.

пределов своей страны, их проповедь никак не влияла на ее развитие. Правда, евразийцы придавали большое значение тому, чтобы их не воспринимали как «обычную» эмигрантскую организацию. Они внимательно следили за развитием событий внутри Советского Союза, им даже казалось, что их идеи находят отклик.⁵³

Желание участвовать в политическом развитии новой России было у некоторых евразийцев настолько сильным, что они впадали в тот же соблазн, за который сами еще в середине 20-х годов порицали сменовеховцев. Их отношение к большевистскому режиму становилось все менее критическим. По этому вопросу возникли резкие разногласия, которые в 1929 году привели к расколу движения. В Париже возникло просоветское крыло евразийцев под руководством С.Эфрона и Дм.Святополк-Мирского, объединившееся вокруг журнала «Евразия».⁵⁴

Когда в начале 30-х годов в СССР развернулись индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, евразийцы были очарованы гигантским размахом этих преобразований.⁵⁵ Евразиец Пейль писал в 1933 году о триумфе новой эпохи централизованной плановой экономики, пришедшей на смену устарелому хаотическому ведению хозяйства.⁵⁶ Для Савицкого это означало конец подражания Западу. В России возникла грандиозная общественно-экономическая модель, которая в конце концов завоюет Запад.⁵⁷ (Стоит сравнить с этим «тотальную мобилизацию» и грезы о государстве рабочих и воинов Эрнста Юнгера.)

Кончились двадцатые годы, кончилось и время идеологических экспериментов. Кончилась юность самих евразийцев. Их претензии, как и претензии консервативных революционеров, повлиять «изнутри» на сталинский госпр. нацистский режим обнаружили свою утопичность. Слепое послушание и безоговорочное принесение себя в жертву тоталитарному государству были принципами, на которых строились эти режимы. Таким политическим силам, как евразийцы или консервативные революционеры, там не было места. Вскоре после окончательной победы Сталина и Гитлера оба движения распались.

⁵³ См. Письмо из России // Евразийская хроника 6. 1926. С. 3-5; Л.Стрельцов: Письмо из России (XV партконференция и Евразийцы) // Евразийская хроника 7. 1927. С. 3-5; Б. Ширяев: Наднациональное государство на территории Евразии // Евразийская хроника 7. 1927. С. 6-12; Евразийство (формулировка 1927г.) // Евразийская хроника 9. 1927. С. 3-14.

⁵⁴ См. Böss: Die Lehre. P. 118-123; Utechin: Geschichte. P. 244-245; Струве: Русская литература. С. 46-47; Пушкарев: О русской эмиграции. С. 144; Гессен: Годы изгнания. С. 201-203; В конце 30ых годов Дм. Святополк-Мирский и С.Эфрон вернулись в Россию, где стали жертвами сталинского террора (См.Струве: Русская литература. С. 73-77; его же: Кн. Д.П.Святополк-Мирский о П.Б.Струве // Вестник РСХД 130. 1979. С. 232-236).

⁵⁵ Евразийство. Декларация, Формулировка, Тезисы. Издание Евразийцев 1932. С. 16-17; П.Савицкий: Очередные вопросы экономики Евразии // Новая эпоха. С. 10-15; Тридцатые годы. С. II.

⁵⁶ В.Пейль: За идеократию и план // Новая эпоха. С. 3-5.

⁵⁷ Савицкий: Очередные вопросы. С. 11-12.

IX.

Тем самым мы ответили на вопрос о причинах крушения евразийского движения: это крушение было связано с триумфом тоталитарных диктатур - сталинской и (косвенно) нацистской. Другая причина состоит в том, что евразийцы пропагандировали содружество народов в то время, когда шовинистические настроения во всей Европе росли и достигли небывалой интенсивности. Евразийцы резко выступали против национального партикуляризма и сепаратизма отдельных народов бывшей царской империи, расхваливали духовные, экономические и политические преимущества объединенной «Евразии», между тем как в самой эмиграции представители нерусских народов России видели в этом (и, может быть, не без основания) лишь новую форму русского великодержавия.⁵⁸ Тщетно князь Трубецкой атаковал великорусский шовинизм:⁵⁹ национализм в русском Зарубежье лишь усиливался на протяжении десятилетия, о котором идет речь, не говоря уже о том, что для большинства евразийцев само собой подразумевалось, что роль гегемона в евразийской федерации возьмет на себя русский народ.⁶⁰ Что же касается резонанса, который евразийская идеология могла бы получить в Советской России, то о нем всерьез говорить не приходится: страна все более отгораживалась от проникновения каких бы то ни было идей, исходящих от Зарубежья.

С другой стороны, неудача евразийцев была обусловлена и тем простым обстоятельством, что их учение оказалось чересчур сложным для большинства русской эмигрантской молодежи, к которой они в первую очередь апеллировали. Евразийство осталось концепцией философов и ученых, в движении не было достаточного количества политических агитаторов, которые бы распространяли и популяризировали эту концепцию. Чтобы понять масштабы евразийской историософии и философии культуры, требовалось некоторое интеллектуальное напряжение. Между тем евразийцы выступили в эпоху господства идеологического упрощенчества. В борьбе за влияние на эмигрантскую молодежь они уступили более напористым группам с менее притязательной идеологией - таким, например, как младороссы под руководством Казем-бека или, в тридцатых годах Национальный союз молодого поколения (будущий НТС).

Сходство между евразийцами и немецкими консервативными революционерами показывает, что несмотря на отрицание Запада, идеологические и политические установки евразийства соответствовали определенным западным явлениям.

⁵⁸ Евразийство (1926). С. 53-54; Трубецкой: Общеевразийский национализм. С. 29-30; его же: К украинской проблеме // Евразийский временник 5. 1927. С. 165-184; Н.Алексеев: Советский федерализм // Евразийский временник 5. 1927. С. 240-261.

⁵⁹ Трубецкой: Общеевразийский национализм. С. 24-26; его же: О расизме // Trubetskoy's Letters. P. 467-474.

⁶⁰ См. Я. Садовский: Оппонентам евразийства // Евразийский временник 3. 1924. С. 163-164; Riasanovsky: The Emergence. P. 57.

Идеи евразийцев были симптомом не только российского, но и общеевропейского кризиса. Да и сами евразийцы по своим духовным устремлениям были значительно ближе к западным европейцам, чем к своим соотечественникам. Большинству тогдашней советской интеллигенции, независимо от того, знала она или нет о существовании евразийства, были вполне чужды порывы и апелляции к «святой Руси», поиски утерянных корней и т.д. В двадцатые годы в России безраздельно господствовали оптимистические взгляды на будущее, вера в науку, преклонение перед техникой. Культур-пессимизм евразийства отражал, по сути дела, скорее западноевропейские, чем внутрироссийские процессы и умонастроения. Это же можно сказать о критике парламентарной демократии: и здесь евразийцы опирались не на русский, а на западноевропейский опыт.

Вопреки ожиданиям евразийцев, послереволюционная Россия в культурном отношении обратилась вовсе не к Востоку, но по крайней мере отчасти опиралась на культурные ценности, созданные в петербургский период, и прежде всего на русский XIX век. Таким образом, тезис евразийцев о неотразимой притягательности западной культуры подтверждает свою правоту: вопреки пророчествам о закате Европы, победоносное шествие европейских идей продолжается по сей день.

(Перевод с немецкого И.Бурихина)